

Сотник и басурманский царь

Автор:

Андрей Белянин

Сотник и басурманский царь

Андрей Олегович Белянин

Задумал как-то басурманский царь себе гарем обновить. И отправил он своих лучших воинов на Русь. Ну, те сразу-то с задачей не справились и позвали на подмогу злую ведьму с чертями и разбойников лесных. Кстати, Баба-яга тоже в сторонке не осталась. Вот тут-то всё и завертелось, тут-то всё и началось... Казаки прыгнули на коней – и в погоню за разбойниками! А хитрые басурмане тем временем наворовали русских красавиц, да и домой повернули, только вот, на свою беду, позарились на жену и дочерей казачьего сотника. Он, ясное дело, им этого не простил! Заручился советом Бабы-яги, да и встал поперёд дороги с шашкой самого Степана Разина – один против всех! Но ить недаром люди говорят: казаков много не бывает – но и мало не покажется!

Андрей Белянин

Сотник и басурманский царь

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Было то или не было, честно говоря, я уже и сам толком не помню. Вроде как мой дед мне про это рассказывал, а ему его дед, стало быть, дело давнее. Однако ж навряд ли как и по сей день актуальное! А потому расскажу-ка я вам, братцы, сказку старую, казачью, астраханскую, где смешную, где грустную, а отдельными местами и совсем неполиткорректную, но...

Не будем раньше времени с извинениями кланяться, нехай на нас потом в Страсбургский суд подадут, а нам полно языком зазря молоть, пора сказку сказывать...

На земле нашей, астраханской, на границе с лютым Кавказом, коварной Персией да хищной Хивой, уже почти три столетия живут казаки. Приказом царским с Дона да Терека переселённые, здесь обженились, хозяйством обзавелись, станицы поставили, церкви построили, ну и службу государеву несли, как положено.

Астрахань-то наша, белый город, Кремлём златоглавым украшенная, на самой окраине России-матушки стоит. Добрым людям завсегда ворота открыты, а злые об её башни неприступные не раз зубы волчьи ломали. Сами астраханцы – народ работающий, осетра да белугу добывали, икру чёрную к столу императорскому ставили, арбузы громадные выращивали, а меж собой со всяким народом дружбу водили. Калмыки овец да коней пасли, татары лавки с тканями открывали, караваны водили, армяне широкую торговлю вели, греки кофейни строили, и никому обид и урону не было. Покуда лихой набег не случался...

Налетали из широкой степи бешеные всадники с пустынь да с гор, хватали людей без спросу, без разбору и навеки в полон уводили, на невольничий рынок. Не только русских, а и своих единоверцев грабили. Тут только одна надежда, что услышат казаки слово грозное: «сполох!», прыгнут на верных коней, догонят врага, да и отметелят так, чтоб впредь неповадно было! Вот про то и сказка наша будет...

Про толстого султана басурманского и войско его чёрное, про ведьму злую да чертей-прислужников, про Бабу-ягу хитрую, про разбойников, про простого казачьего сотника да дочку его малую, про войну и любовь да про землю нашу русскую...

...Высоко в небе синем горит-палит яркое степное солнышко. От края до края чист горизонт, только окоём маревом золотым колеблется. Август месяц, жара смертельная, а по выжженной земле идёт-бредёт невольничий караван. Верблюды, поклажей гружённые, кони в мыле, всадники на них, словно хищные коршуны, сидят, русских пленниц перед собой бичами гонят...

- Абдулла, пить хочешь, э?

- Пить хочу, вина хочу, зарезать кого-нибудь тоже хочу, очень! - С этими словами один из всадников, чернобородый, с кривой ухмылкой и редкими зубами, принял из рук товарища кожаную флягу.

Измученные девушки смотрели, как жадно он пьёт, а вода льётся ему по шее на грудь...

- Что встали, ослицы?! - взмахнул бичом второй всадник. - Пошли давай, быстро!

- Эй, Мамбек, - со вздохом подозвал начальника охраны пожилой басурманин, хозяин каравана. - Уйми своих воинов, они опять портят мой товар!

Плечистый батыр, в богатых доспехах, с лицом загорелым до черноты, только громко рассмеялся в ответ:

- Ничего, Бекул-ага, смирнее будут...

- Но кто купит избитую до крови красавицу? Говорю тебе, урезонь своих людей. Наш господин берёт себе в гарем только самое свежее и лучшее!

- Так мы и добыли ему десять лучших девушек! Посмотри, как они хороши, как горят их глаза, а то, что их немножко побили... Сами виноваты! Зачем сопротивлялись, да?

- Пусть твои джигиты лучше смотрят по сторонам!

- И кого же нам бояться, разбойников?! Никто не смеет противиться нашим клинкам!

Бекул-ага промолчал. Будучи опытным работорговцем, перенявшим семейную традицию от отца и деда, он прекрасно знал, когда надо уступить, а когда проявить власть. Сейчас им не стоило ссориться, а вот когда караван покинет проклятые волжские степи, тогда, в родной пустыне, он разберётся с этим молодым наглецом...

- Что ты всё время озираешься, старик?

- Мы идём по казачьей земле.

- Казаков мало, они побоятся напасть на нас. Мой отец всегда смеялся над ними!

- Да, он был весёлый человек. Поэтому и остался лежать в этих степях навечно...

- Не будь ты седым, Бекул-ага, я бы наказал тебя за такие слова о моём отце, - с раздражением прошипел начальник охраны и вдруг замер.

Прямо перед ними из-за невысокого холма выехал всадник на рыжем коне. Белая гимнастёрка, синяя фуражка, штаны с жёлтыми лампасами, на поясе шашка, погоны серебряные, усы рыжие, а глаза строгие...

- Казак? Ка-за-аки-и!!! - не своим голосом взвыл мудрый работорговец, нахлёстывая своего коня плетью.

- Куда, старый трус?! - презрительно фыркнул Мамбек, хватаясь за рукоять дамасской сабли. - Где ты видишь казаков? Он всего лишь один!

- Вот вы и разберитесь с ним, - не оборачиваясь, прокричал Бекул-ага. - А я пока подожду. Где-нибудь в тени. Подальше отсюда, да...

- Убьём его! - Шесть кривых клинков взлетело в воздух.

А казачий сотник только коня каблуками пнул, нагайку в правую руку взял да и поскакал на врага. Один на всех! Да ему-то что - врагов бьют, а не считают. Смысл заранее париться? У нас говорят: сначала побьём, потом разберёмся!

Казачья нагайка не коня хлестать, она для боя предназначена. Из двенадцати ремней плетённая, а на конце пуля свинцовая – раз по башке прилетит, так и не копошись, пыль степную нюхай и не высовывайся, коли добавки не хочешь...

Первого – свалил в висок, второму – по чалме, третьему – все зубы выбил, четвёртого за ногу поймал да из седла на пятого кинул, а у шибко храброго Мамбека его же саблю отобрал, на коне развернул, да и по заднице от души отшлёпал!

На колени пали басурмане, пощады просят, кто над девицами да детьми изгаляться привык, того в настоящем бою не ищи, такие всегда друг за дружку прячутся.

– Ушёл, зараза, – глянув из-под руки, решил сотник, видя, как тает на горизонте облачко пыли вслед за лошадей сбежавшего работорговца. – Ничего, в другой раз всё одно поймаю!

Спрыгнул с седла, разрубил шашкой верёвки пленниц да этими же верёвками басурман в один букет увязал. А девки ему уж и в ноги кланяются, плачут от счастья, благодарят казака за спасение...

– Спасибо, дяденька-а!

– Сами-то откуда будете?

– С Волги, станичник! Кто с Астрахани, кто с села, кто с хутора...

– До дома-то доберётесь?

– Доберёмся, дяденька!

– Вот и ладушки, – улыбнулся сотник. – Разбирайте лошадок басурманских, да и двигайте на закат. У меня ещё служба не закончена...

– А с этими что делать? – Девушки грозно топнули ногой на связанных басурман.

– Да что хотите, не убивать же...

Прыгнул сотник в седло и поехал своей дорогой.

А пленницы на врагов своих посмотрели, посоветались да всей толпой дружно и накинулись! И пяти минут не прошло, как возвращался в родные края отбитый караван, смеялись астраханские девчата, подгоняя верблюдов, осликов да боевых коней. А в широкой степи по раскалённому песочку, ругаясь, прыгали связанные цепочкой басурмане – все как есть в одних исподних штанах! И руки не развяжешь, и не почешешься, и солнце палит нещадно, и до родных аулов им в такой связке как раз только к Рамадану и допрыгать. Если суслики не съедят да тушканчики не защекочат...

– Какого шайтана мы вообще попёрлись в русские земли?! Вай дод, какие они негостеприимные!

– Это нас Мамбек сманил! Грабили бы себе спокойно на больших дорогах...

– Молчите, дети шакалов! Я хотел, чтоб вы стали на стезю праведности! Не разбойничать, подобно волкам, а честно охранять караваны...

– Ну вот и наохранялись! Надо было бежать, как мудрый Бекул-ага...

– Он старый трус! Мой отец всегда говорил, что...

– Вай мэ! Заткнись уже со своим папой!

– Я заткнись?!

– Бейте его, мусульмане-э!!!

Уж чем там у них мордобойное дело закончилось, достоверно неведомо. Знаю лишь, что больше ни о банде Мамбека, ни об одноимённом «охранном агентстве» никто в наших краях не слышал. Да и кому они, по сути, интересны, так, проходящие персонажи...

А хитрый старый работорговец гнал и гнал коня до самого Басурманского султаната. Там уже отдышался, опомнился, в ближайшей чайхане запрещенным вином отпоился, нервозность притупил и твёрдо решил, что с беспределом казачьим надо что-то делать. Сколько можно на его караваны нападать, пленников отбивать, так и вообще скоро вся работорговля на корню завянет, и как дальше жить прикажете, э?!

Ну, выпил он, видать, лишнего и притупил неслабо, потому что за справедливостью пошёл во дворец самого султана! А басурманский султан, Халил его звали, был человеком суровым, большим да толстым и по-своему даже общительным. Принимал ласково, персиками угощал, халвой делился, но чуть что не по нему, сразу голову с плеч рубить! Да и чего похуже мог отчекрыжить, не постеснявшись. Восточный деспот, сами понимаете, они там все такие...

И вот идёт премудрый Бекул-ага, бородёнкой трясёт возмущённо, глазки от пыли да алкоголю соловенькие уже, но себя кулаком в грудь стучит несильно, чтоб не ушибиться, и всё громче на проклятых казаков управы требует. Подошёл он к султанскому дворцу – высоченное здание, этажей в пять будет, ей-богу! Дал стражникам по монетке, чтоб в предбаннике не томили, да и шасть внутрь. Благо в тот день у государя особых дел не было, и как ему визири доложили про визит с последствиями, он сразу ножками засучил:

– Работорговец, гаваришь, да? Жён мне хател новых привезти, а ему не дали? Очень интересная история. Паучительная история, прямо записать нада. Ну зови, зови его, всё сам хачу паслушать. Э-э!

Стражники копыя раздвинули, и пал к ногам владыки на пёстрый восточный ковёр горько обиженный в России честный работорговец. Без стыда крокодильими слезами обливается, на груди рубашку рвёт, по чалме кулаками стучит, сам себе щёки осторожно царапает и стенает дюже жалостливо, на персидский манер:

– Вай мэ, вай мэ! Совсем меня, сироту, ограбили, товар отняли, чести лишили-и...

– Слушай, пагади, а? – султан поморщился. – Давай ещё раз, медленна. Ты сирота?

– Мне шестьдесят два года, о владыка неба и земли! Конечно, сирота уже...

– А как тебя чести лишили?!

– Э-э... это образное выражение, фигура речи. Ограбили меня!

– А, эта я понял уже... Что у тебя отобрали, сирота шестидесятидвухлетняя?

– О, опора праведных и бич всяких меньшинств, – продолжая кланяться, старый хитрец потихоньку-потихоньку подползал поближе к трону, – я укра... купил! Купил тебе в гарем целых деся... двенадца... двадцать и восемь, двадцать девять роскошных русских красавиц! С телом белым, как снег, с волосами золотыми, как солнце, с ресницами длинными, как... как не знаю что, но ты представил да? То есть очень все такие симпатичные! И добрые, главное, да, сами умоляли меня их купить, так хотели лицезреть тебя, о мой повелитель! Веришь, нет?!

– Верю, верю, да, – с интересом поёрзал на подушках султан Халил. – Придставил уже себе всё такое в объёмах и красках. А пачему ты их мне не привёз?

– А потому что – казаки!

– Зачем так кричишь, э? Где казаки?

– Там. – Бекул-ага неопределённо показал рукой сначала на север, потом на юг и на всякий случай, до кучи, на запад. Показал бы и на восток, но там сидел султан, и махать руками в его сторону было чревато...

– Везде казаки! Их было целых оди... одиннадцать!

– Всего одиннадцать? – поморщился владыка мира, и его стражи презрительно фыркнули.

– Одиннадцать сотен! – мигом выкрутился опытный торгаш. – И у них у всех были пушки! Мои воины дрались, как снежные барсы с гор Гиндукуша, каждый из них убил по сто казаков, но силы были слишком не равны...

– А ты?

– А я убил целых двести!

– Не, я не про эта. – Султан Халил приподнял зад, давая возможность визирю быстренько взбить пуховые подушки на троне. – Пачему ты геройски не погиб в бою за мой гарем?

– О, сотрясатель основ и феникс милосердия, а кто бы тогда принёс тебе эту печальную весть? – Бекул-ага вновь пустил фальшивую слезу, избегая смотреть властителю в глаза. – О мои бедные девушки, как они рыдали, как рыдали, понимая, что злая судьба отнимает у них единственный шанс лицезреть великого из величайших! Неужели за мой скромный подвиг мне не будет никакой, даже самой ничтожной, награды, э?

Тиран задумчиво переглянулся с визирем и поманил его пальцем.

– А ты рассказывай, рассказывай... Слушай, эта кто такой?

– Работорговец и поставщик невольниц в султанский гарем, – шёпотом напомнил визирь.

– Уважаемый человек?

– Не очень...

– Отлично! – даже захлопал в ладоши султан. – Тащи сюда шкатулку. Щас на нём пробовать будем. Э-э, пачтеннейший, ты всё мне рассказал, да? Ничего не утаил, не абманул меня?

– Как можно, о столб света и венец многобрачия?! Я верный раб моего господина!

– Тагда гатовься, мы тебя мала-мала награждать будем.

– О Всевышний, сегодня праздничный день! Великий султан хочет осенить меня своей щедростью? – обомлел Бекул-ага, поскольку, честно говоря, не очень-то

верил, что ему хоть что-то обломится. – Как кладезь мудрости узнал, что завтра я уже совсем умру с голоду, и кто же тогда возложит на себя почётное бремя поставлять новых рабынь в твой гарем...

– Слушай, я сам дагадался, да, – утомлённо зевнул владыка. – Мы всё панимаем, плахие казаки, подлое нападение, нет, какие они все мерзавцы, э... Нехарошие люди, зачем так паступили? А ты хароший! Ты ради маих новых наложниц и жён прошёл через все лишения?

– Да, да...

– Через эти жуткие испытания?

– Вай мэ...

– Всё это ради того, чтобы твой гаспадин узнал, что покусились на его рабынь? Именно паэтому ты ещё жив, да? – уныло спрашивал султан, меж тем как подоспевший визирь с поклоном доставил ему серебряный ларец. – Пачему так долго? Видишь, человек ждёт, абижается, наверна?!

– Не, не, не, заступник справедливости, я не в обиде!

– Честно?

Бекул-ага чуть не перекрестился в воодушевлении, но вовремя вспомнил, что он в султанате, здесь такое не катит. Поэтому просто покивал...

– Скромный какой, да? Не, ну тут обязательно нада наградить! Нада, и всё! – Владыка Халил самолично открыл серебряный ларец. – Иди сюда!

– Да, мой господин...

– Я тебе окажу величайшую честь. Я тебе такое сделаю, что ещё никому из придворных не делал, мамой клянусь! – Султан достал из ларца странного вида перчатку, больше похожую на человеческую руку, испещрённую шрамами и татуировками. – Но после стольких лишений гатов ли ты принять эту честь? Ты харашо себя чувствуешь? Может, отложим?

- Ни за что! Любой дар наищедрейшего будет для меня великим благом!

- Сам просит! - Султан Халил обернулся к подданным, и все согласно закивали. - Хорошо, дарагой! Так ты готов, да?

- Готов, владыка мира!

- Точно готов?

- Да!

- Маладец, э?

- Да-а-а!!!

- Тагда лови! - Коварный Халил выбросил вперед правую руку с перчаткой, и с его ладони сорвалась зелёная молния!

Один миг - и от хитрого работорговца осталась только кучка пепла, осыпавшаяся в упавшую одежду. Исчез бедолага в зелёной вспышке, даже вякнуть на прощанье не успел. Ну да туда ему и дорога, никчёмный был человечиска, непорядочный, без него лучше...

Едкий смрад заволок всю залу, а многоопытная челядь изобразила радостный восторг, на деле кривясь и стараясь хоть как-то спрятать нос под мышку. Кто-то чихал, кто-то склонялся в нижайшем поклоне, кто-то громче всех хвалил великую милость султана, главное, чтоб самому не попало...

- Слушай, а какая хорошая вещь, а? - восхищённо рассматривая волшебную перчатку, вскрикнул султан Халил. - Не зря мы купили кожу с руки абиссинского колдуна, работает же, э?! А теперь быстро пазовите ко мне воеводу! Пажалуйста, да?

Визирь, видевший, что произошло с Бекул-агой, рысью сорвался с места и сломя голову кинулся исполнить приказ владыки. А тот поманил пальцем кальянщика

и прилёг парить в стране ароматов. Это только кажется, что кальянное курение безобидное, но подсаживаются на такое дело быстро и курят каждый раз что повкуснее, а вкуснее даров Чуйской долины ещё нигде на Востоке не придумали. Так что оставим, братцы, эту заразу тягучую для эмиратов да султанатов, а нам свежий воздух дороже и полезнее...

В то время воевода, бог знает, как его там по батюшке звали, во внутреннем дворе охрану тренировал. Внешне он был мужчина видный, высокий, с бородой, лысый как коленка, мускульно силен до жути и глаза такие даже страшные...

Стоит воевода посреди двора, ятаганом иранским импортным поигрывает. Вызывает себе супротивников, да что-то мнутя стражники, под тумачи лезть кому охота?

- Так, ты, ты и вот ты! Нападайте!

- Смилуйся над нами аллах, - пробормотали бедные стражники, взялись за копья и кинулись на воеводу.

А он над ними словно измывается, на одном месте пританцовывая. Тут ускользнёт, там пригнётся, да и ятаганом так небрежно полоснёт по руке, по ноге, вот уж и лежат все трое с копьями переломанными, кровью обливаются.

- Глупцы! Трусы! Бездельники! - В последний момент взлетел ятаган в грозной руке и...

- Великий султан Халил призывает своего верного воеводу!

Только это и спасло зажмурившихся воинов от верной смерти. На приказ султана бегут со всех ног, медлить нельзя, будь ты хоть трижды герой Арабских Эмиратов и самый страшный воин во всей Персии. Сплюнул наземь воевода, огорчился искренне, что не успел три души загубить, и пошёл быстрым шагом к владыке. Надо ж узнать, чего ему понадобилось? Может, в поход военный пошлёт, а может, и просто прямо сейчас прирезать кого-нибудь, благо как раз настроение подходящее...

Пробежался он по мраморным ступеням, растолкал челядь дворцовую лизоблюдствующую, развеял перед собой дым вонючий кальяновый и на одно колено перед султанским троном упал:

– Повелитель звал меня?

– А? Что? Кто эта, я не понял, э...

– Твой верный воевода, о владыка! Я прибыл по твоему первому слову! Прикажи мне убить всех врагов, и я залью их кровью все города, на которые падёт тень твоего гнева!

– А-а... это ты. – Султан выплюнул мундштук кальяна, зевнул и с трудом сосредоточился на деле. – Слушай, такое дело... Абидели меня.

– Кто посмел?! – вскочил воевода, как бы в порыве праведной ярости хватаясь за рукоять ятагана. Тоже, видать, театральщиной не брезговал, перед вышестоящим себя показать всегда умел ненавязчиво...

– Значит, так. Бери своих лучших воинов и сабирайся в поход. Казаки савсем стыд потеряли, напали на мой караван! Новых рабынь отобрали, представляешь?

– Они пожалеют об этом, повелитель!

– Э, конечно, пожалеют, мы же им отомстим страшной мезтью! Ты меня знаешь, я такие вещи не спускаю. Но! Как только закончишь там всех убивать, не забудь набрать мне их женщин. Много не нада, штук десять – двадцать. Ну там пасимпатичнее посмотри, на свой вкус. Гаварят, в казачьих станицах очень красивые девушки...

– Приведу всех до единой, – гнусно усмехнулся воевода, но султан его поправил:

– Не-э, всех не нада. Ты пасматри, чтоб не было там толстый-молстый, кривой-кривой и чтоб бюст не нулевого размера, да? Всё понял? Иди давай, не томи, у меня и так гарем пустой...

Пока владыке подносили новый кальян, воевода тихо, с поклонами, начал сваливать, пятясь к дверям. Восточная традиция, если у тебя неуправляемое начальство с психическим креном на всю чалму, задом к нему не оборачивайся, мало ли...

– Я исполню приказ величайшего!

– Маладец, маладец, – пробормотал султан Халил и вдруг, вспомнив что-то важное, хлопнул себя по лбу: – Эй, визирь! Напомни точно, когда мы изволили казнить свой гарем?

– Ровно неделю назад владыка дня и ночи раскрыл заговор недостойных женщин, помышлявших о смене очерёдности и недозволительном женском оргаз...

– Да, да, харашо, дальше я сам! Вот слышал, дарагой мой воевода, неделю назад! А две недели уже будет савсем-савсем вредно для маего организма. Так что у тебя есть шесть дней. Нет, лучше пять. Ну ты всё панимаешь, да? Если не успеешь, или девушек не найдёшь, или что-то там не так пойдёт, не знаю, э-э... Ты тагда лучше сам себя где-нибудь тихо зарежь.

– Да, владыка. Я всё понял, – покорно кивнул опытный воин, и впрямь прекрасно понимая, что за этим толстым волюнтаристом не заржавеет...

А султан басурманский поудобнее на широком троне улёгся, всех разогнал, вроде придремнуть собрался, да как-то всё не убаюкивался. Поэтому решил он позвать своего верного убаюкивателя, главного придворного льстеца и восхвалителя, ибо сладкие слова великой силой обладают. Хоть хвала и не халва, но действует безотказно: и настроение поднимает, и самооценка не падает...

– Бирминдулла! Бир-мин-дулла!!!

В одну минуту из-за ковров да занавесей выбежал ловкий старичок в дорогом халате и чалме – сам с седой бородой до пояса, глаза хитрые, и хоть прихрамывает этак на левую ногу, но двигается быстро.

– Я здесь, о властитель Вселенной и всех межгалактических планетарных систем!

– Вай, какие мудрые слова... Давай скажи уже про меня что-нибудь, никак уснуть не могу.

– Все знают, что даже солнце на небе, рыбы в воде, звери в лесу, люди и животные – все они существуют в этом мире лишь благодаря неизмеримой милости нашего повелителя! – звонким и торжественным голосом начал старичок, а недовольные морщинки на лбу султана Халила быстро разгладились. – Им любуются луна и звёзды, ибо они от рождения лишены такой неземной красоты! Да и есть ли кто, могущий сравниться с величайшим и уникальнейшим в уме, в силе, в храбрости, в богатстве и красноречии, спрашиваю я? И не нахожу ответа! Ибо как же можно объять необъятное, постичь непостижимое, оценить неоченимое и осознать неосознаваемое...

В общем, и пяти минут не прошло, как под водопадом лести тиран Халил положил подушку на подлокотник трона, устроился поудобнее, скинул тапки с загнутыми носами и задремал, сладко посапывая, как избалованный ребенок.

Тут мы его и оставим, а усталый Бирминдулла, убедившись, что султан спит, так же тихо прихрамывая, исчез в потайной двери за пакистанским ковром. Боясь потревожить венценосный сон, все вели себя тихо, как положено. Не вовремя разбуженный повелитель страшен в гневе, так что дураков нет...

Наверное, поэтому никто и не обратил внимания на то, как из одного маленького оконца вылетел белый голубь. Да и что его замечать, мало ли голубей кружит над дворцом в синем небе? Но этот кружить не стал, полетел стрелой в сторону далёкого севера...

Много ли времени прошло, мало ли, мы в голубиной скорости несведущи. А только в свой срок и час сел голубь на знакомую голубятню не где-нибудь, а аж в самом стольном Санкт-Петербурге. И подошёл к нему специально отряженный чиновный служащий, на руки взял, нитку на лапке распутал да секретное донесение на записочке малой добыл. В тот же день побежал он с докладом к начальству, те к своему, и вот уже идёт шагами быстрыми молодой да стройный царский адъютант к нашему государю императору, важнейшую информацию с

голубиной почтой под мышкой, в папочке, держит...

А русский царь в это время в своём кабинете скучал. Не то чтоб ему там одиноко было, с генералом да послом, совсем даже наоборот, просто дело уж больно неприятное – о своих же подданных гадости выслушивать. Но куда денешься, скандал-то международный! Вот и стоит перед государем французский консул, нотой протеста машет, без акцента ругается, без совести врёт:

– Вследствие вышеизложенного инцидента посольство великой Франции выражает свою крайнюю озабоченность произошедшим. Мы вынуждены убедительно просить ваше величество незамедлительно вмешаться, дабы остановить эскалацию прямого насилия в отношении свободных граждан Франции и сопредельных европейских государств!

Адъютант в двери тихонько проскользнул и к генералу седому рядышком пристроился. Сам на царя косит, а генералу на ушко шепчет:

– Из-за чего сыр-бор? Чего лягушатник так разоряется?

– Жаловаться пришёл, – так же шёпотом ответил генерал в усы.

– На кого сегодня?

– Да всё на того же... Ох, боюсь, в этот раз дело каторгой закончится!

– А-а, понятно, снова на атамана астраханского шишки сыплются.

– Так ведь он сам виноват по совести-то. Угораздило ж подраться с якобинцами...

А консул французский всё не успокаивается, свою линию гнёт, на гильотину парижскую намекает, чуть ли не военным вторжением в ответ грозит, хамло провансальское...

– Мы низжайше просим участия вашего величества в законном разрешении сложившейся ситуации и самого сурового наказания виновных! То есть, пардон, виновного!

– Хорошо, барон дю Валон, мы разберёмся, – устало выдохнул царь, краем глаза поглядывая на часы.

– Не смею больше отнимать времени у вашего величества, – подчёркнуто официально поклонился француз и откланялся. – Всего наилучшего!

Вышел консул гордо, ни на кого не глядя, а государь генерала и адъютанта пальчиком поманил.

– Ну что, всё слышали?

– Ток точно, ваше величество.

– Тогда как это понимать? – начал постепенно заводиться наш царь-батюшка, ибо нервы его были на пределе. – Выходит, наш казачий атаман совсем распоясался, что послам иноземным вместо «здрате» морды бьёт? Может, ему жить тут вольготно стало? Так я ему мозги-то быстро вправлю!

– Воля ваша, государь.

– Где этот бузотёр?

– На гауптвахте, – вытянулся в струнку адъютант. – Как и всегда...

Царь аж пятнами красными пошёл от гнева праведного, но тут двери в кабинет распахнулись, и вошла матушка царица. Адъютант с генералом сразу кланяться, она им кивает эдак приветливо. Государыня у нас в сказке происхождения австрийского, поэтому говорит чуток акцентированно, но всё понятно, чай, не первый год в России, выучилась, что к чему...

– Александер, свет мой, ты не забыть о приёме в честь годовщины моей-твоей-нашей внучка?

– Помню, душечка, помню, – нежно улыбнулся ей царь.

– И ещё, милый, ко мне на аудиенц-приём весьма настойчиво просится супруга французского посла. Право, я не знаю, что там за беда? Принимать или нет,

удобно ли?

– А вот это мы сейчас у генерала нашего и спросим, – опять помрачнел царь.

Надулся и смотрит скептически, дескать, давай выкручивайся, по привычке на войне от международной политики прятаться, так на тебе прямо тут азы подковёрной дипломатии! А царица не отступает, хоть и смотрит ласково:

– Будьте так добры, мой друг, пролейте свет на сие пришествие. Что угодно госпоже баронессе от личный визит к нам?

Генерал и краснеет, и мнётся, а отвечать-то по-любому надо, не абы какая тётка с улицы спрашивает – сама матушка императрица!

– Право, смущаюсь и ответить, государыня...

– Ах, найн, не смущайтесь. Нам всем интересно!

– Слушаюсь. Итак, не далее как вчера с послом Франции произошёл досаднейший случай. Собрался он с соплеменниками что-то национальное у нас в кабаке отпраздновать. То ли день взятия Бастилии, то ли коронацию Наполеона, то ли победу при Аустерлице – им, французам, лишь бы выпить, а повод найдётся...

– Можно подумать, у нас не так, – с пониманием вставил царь, но государыня покосилась на него с упрёком. – Всё, всё, молчу, не перебиваю...

– Так вот, – постепенно воодушевляясь, продолжил генерал. – Сидят они в кабаке и, видать, приняли уже крепко. Песни свои поют французские: «Постель из ландышей пуста, лети в мой сад, голубка-а...» и это, заводное: «Зай, зай, зай, зай-й!» Мужики их не трогают, отдельно сидят. Кабатчик тоже, тока свою выгоду блюдёт, а вот девка, что им поднос с колоннадой бутылок несла, чем-то вдруг послу понравилось. Ну и щипанул он её за задн... за мягкое место! Все французы в хохот! А девка-дура взвизгнула, да и поднос не удержала, одна бутылка опрокинулась, и послу на штаны коллекционное шато-бордо-совиньон хрен их разберёт какого года...

– Но-но! – Царь пальчиком пригрозил. – Повыражайся у меня тут, не в казарме же!

– Виноват, – отмахнулся генерал, а у самого уже и лицо горит, и щёки красные, и воодушевление ораторское так и прёт. – Посол от ярости вскочил, грязным французским матом выругался, официантку нашу за косу хватать, а другой рукой как замахнулся и...

– И? – дружно спросили царь, царица и даже адъютант.

– И чует, держит кто-то его руку. Крепко так, словно клешнёй железною. А это атаман казачий, что в том же кабаке мирно холодец кушал, в драку влез. «Ты бы это, – говорит, – лягушатник, без фанатизма, а? Всё ж не у себя в Париже бардачном мамзелей под лифчиком щупаешь...» Посол от боли окривел да на пол приседать начал в страшных муках совести. Атаман же кивнул остальным вежливо, дескать, гулять гуляйте, но не балуйте, и к своему столику развернулся. А тут его сзади кто-то ка-а-ак табуреткой по голове – хрясь! И вдребезги!

– Голова?! – чуть не упала в обморок впечатлительная императрица.

– Табуретка! Вдребезги, в щепки, в пыль! Ну, сами понимаете, у казаков кровь горячая, так что атаман тоже слегка погорячился. Его можно понять, допустимо ли, чтоб в наших кабаках какие-то шесть французов позволяли себе...

– Значит, французов шестеро было, – отметил государь. – Ты лучше скажи, трупов сколько насчитали?

– Не было трупов! Было четыре выбитых зуба, пара сломанных рёбер, вывихнутая рука у писаря посольства, порванный кафтан, три разбитых носа, один весьма сильно, до сих пор как у бульдога. Ну и немецкий посол лишился двух телохранителей и хромотает на обе ноги в те редкие минуты, когда вообще встаёт с постели...

– Молодец, а?! Каков орёл! – восторженно подпрыгнул царь, в порыве гордости за отчизну кружа по кабинету смущённую царицу. – Э-э... стоп. А немцы-то, немцы чем ему не угодили?

– Ваше величество, посланник канцлера тоже был приглашён в числе гостей французского посла, но прибыл с опозданием. И, к всеобщему огорчению, не разобравшись в ситуации, решил сделать атаману тактичное замечание. Но почему-то шпагой... И его телохранители тоже. А у атамана под рукой был стол, ну и...

– И? – ещё раз спросили все, хотя ответ в целом уже знали.

– В общем, после короткой баталии, завершившейся полной победой русского оружия, он приказал им всем раздеться до исподнего и, игнорируя интимные надежды французов, вытолкал всех участников посиделок на улицу. Последнее послужило причиной серьёзного расстройства здоровья у немецкого посланника, который, перед тем как выйти, упирался и почему-то два раза бился лбом о дверной косяк. Вышел через стену спиной вперёд, но кто ж ему виноват?

– Какой конфуз, Александер! Что же теперь делать?

– А ничего, милая! В Сибирь его отправлю, смутьяна, будет мне каторжан строевой подготовке учить! Подготовьте немедля все необходимые бумаги, я сей же час подпишу.

– Слушаюсь, – грустно вздохнул генерал.

Адъютант голову опустил, да и у матушки царицы тоже сердце не каменное...

– Александер, свет мой, не есть ли это очень сурово? В конце концов, атаман лишь вступился за честь дамы. А это очень благородный поступок!

– Прошу тебя, Натали! Этот рыцарь из Ламанчи мне по дипломатии дел наворотел на два года вперёд. Так вот пусть в Сибири голову поостудит...

– Разрешите обратиться? – подал голос адъютант, щёлкнув шпорами.

– Да говори, что там у тебя?

– Государь, получено тайное донесение: к нашим границам движется отборный отряд войск басурманского султана Халила.

Переглянулись царь с царицей. Это известие поважнее какой-то там кабацкой драки будет.

– Вот те раз! А этому-то что неймётся?

– По нашим разведанным султан Халил решил набрать себе новый гарем из наших русских девушек. Под угрозой находятся несколько приграничных казачьих станиц и город Астрахань, южный форпост Российской империи.

– Так в чём, собственно, дело? Срочно мобилизуйте казаков, разработайте план манёвров, а их атаман пусть... хм...

– Всё правильно, солнце моё, – нежно прильнула к груди мужа государыня. – Раз атаман уже постоял за девичью честь, то пусть он и продолжать стоять в том же духе!

– Истинно так, матушка! – воспрянул генерал. – Какая, к лешему, Сибирь? Он же вам любую каторгу своим поведением испортит. Пущай уж, как говорится, искупит вину на поле боя!

– Ваше величество, – продолжил дожимать адъютант, – до басурманской границы нашим регулярным частям не менее двух недель ходу. Атаман же верхом доскачет меньше чем за сутки! Да и местность он знает прекрасно, сам родом оттуда. Позвольте ему отличиться!

– Александр, ну же...

– Да что вы на меня все накинулись? Можно подумать, я один против?! – махнул рукой царь. – И что за беда, потом на гауптвахте досидит! А сейчас пусть прямыми служебными обязанностями займётся. А послам скажите, что если я за каждого француза с немцем по атаману сажать начну, так завтра границу охранять некому будет. Исполняйте! Все свободны!

– Рады стараться, ваше величество! – радостно гаркнули генерал с адъютантом, пожимая друг другу руки.

Государыня, поцеловав супруга в щёку, тоже собралась к выходу:

– Я пора идти, дорогой. Не задерживайся долго...

– Хорошо, хорошо, родная... Я скоро.

Когда все вышли, оставшийся в одиночестве император походил взад-вперёд по кабинету, паркетным полом похрустел, в окошко глянул задумчиво, бумаги на столе поворошил, а потом и говорит вслух:

– Девять иноземцев и один казак... Вот тебе и под дых дышлом! Хм, а ведь это... Один против девятерых! Один – девятерых! Адъютант! Ко мне!

– Да, ваше величество. – В дверях мгновенно возник адъютант, словно бы и не уходил никуда.

– А глянь-ка, любезнейший, не завалилась ли где у нас подарочная шашка?

– Разумеется, государь!

– И чтоб как следует, в золоте, Златоустовского заводу, с печатями, со всеми прибамбасами!

– Будет исполнено! – Адъютант заторопился исполнять приказ, а царь неспешно налил себе стопочку вишнёвой, для лучшего пищеварения, гордо посмотрел на большущую карту мира на стене кабинета и улыбнулся:

– Один – девятерых, и всех в полный драбадан! Вот ведь не хвост собачий, а сын казачий!

Ну, покуда он наливочкой балуется, нас сказка другой дорогой ведёт, через весь дворец, мимо Сенатской площади, на старую гауптвахту...

Скромное такое зданье, одноэтажное, коричневого цвету. Рядышком будка часовая стоит, а в ней солдатик ружьишко со штыком обнимает, спит на посту, скотина! Хотя, по совести говоря, чего ж не спать-то? Кого тут охранять особенно, офицериков пьяненьких? Так они отоспятся, рубль серебряный охране

за уют заплатят и на свободу с чистой совестью!

Вот разве атаман казачий в который раз залетает, но и он себя ведёт прилично. Денег на откуп не имеет, честно улицу пятнадцать суток метёт, никакой работой не гнушается, сидит себе до окончания судебного приговора, в ус не дует. Оно понятно, что в военное время его только на театре боевых действий и видно, но ить и война не на каждый день. Приходится порой в стольном Санкт-Петербурге, при царской свите, орденами погреметь, положение обязывает...

А в этот раз и положенного срока отсидеть не получилось. Пришёл приказ с Дворцовой площади, подарок императорский и высочайшее повеление выдвигаться на границу южных рубежей отчизны для защиты города Астрахани от диких орд бесчинного басурманского султана.

Ну кто ж с прямыми служебными обязанностями спорить станет? Тем паче что подзадержался атаман в столице, пора и до дому до хаты...

– Ты что ж, Василь Дмитрич, покидаешь нас?

– Пора, долг зовёт, – вздохнул бывший узник, садясь на подведённого молодым денщиком коня.

– Храни тебя Господь, – отдал поклон солдатик у будки. – Ты заходи, ежели что...

– Нет уж, – прокашлялся атаман, головой качая, – уж лучше вы к нам. Казаку от столицы подальше и дышится вольнее...

– Ух ты шашка какая, – удивился денщик, когда он и атаман тронули поводья. – Золотая, поди? А дали-то за что?

– За вклад в международную политику.

Дал атаман коню шпоры под бока и вперёд помчался.

– Милейшей души человек, – пустил скупую слезу солдат в будке. – Скучно без него будет.

– Ничего, вернётся, – улыбнулся казачок. – Атаман сюда завсегда возвращается...

И следом за начальством во весь опор дунул. Так и полетели они вдвоём верхами через Сенатскую площадь да по набережной, а там и Невским проспектом отметились – давай Бог коням крылья по пути на астраханскую землю!

Красив Санкт-Петербург, величественны его храмы, роскошны дворцы, прекрасны улицы, а только нет и не будет в нём жаркого южного солнца, открытых сердец казачьих, задушевных песен, широкой степи да возвеличенной у простого люда матушки-Волги. Кто к вольному ветру привык, того в коробке каменной не запрёшь. Кто родину грудью защищает, тот по императорским залам паркет не трёт. Кому честь дороже жизни, не будет за сто вёрст под троном прятаться, когда враг жестокий на пороге...

Помогай им Господь вовремя успеть, а мы взором мысленным расстояния преодолеем да сами вперёд их в станицу Атаманскую пожалуем. Хорошо в конце августа в Астрахани. Жары уж нет, но теплынь душевнейшая, повсюду азиаты арбузами пудовыми торгуют, девки красные у ворот семечки грызут, с парнями молодыми языки чешут, старики на завалинках сидят, детям малым сказки рассказывают. Один работой занят, другой торговлей, третий в поле, четвёртый на низах осетров добывает, а пятый гармошкой народ веселит. Мы же к сотниковой хате подойдём, помните такого? Ну, он ещё в начале нашей сказки басурманских работорговцев побил, а девушек-пленниц от страшной судьбы избавил. Вот в основном о нём-то и дальше вся история будет...

А во дворе сотника страшная картина – пыль да гром: стоит крепкий казак в гимнастерке неподпоясанной, шаровары закатаны, ноги босы, да хлопцев молодых, от шестнадцати годков, кулаками потчует! Один супротив двадцати! И все с вилами, дубьём, палками на него с разных сторон, аки волки на медведя, кидаются.

– Не робей, братцы! Вместе и тятку бить веселей!

Ну уж и сотник их тоже катает от всего сердца – кому по шеям, кому в дышло, кому коленом под зад, вот она казачья школа. С малолетства должны ребята уметь и сами драться, и оплеухи получать. А в такой драчке привыкают казачата до последнего стоять, за друга биться, своих не сдавать да перед сильнейшим

противником не трусить.

Раскидал их казачина по разным углам – кого в крапиву, кого в плетень, кого через забор, к хате подошёл, от порога две шашки из ножен вытянул.

– Ну, что разлеглись-то, словно студенты после демонстрации? Чуток размялись, теперь давай всерьёз. Нападай со всех сторон!

– Да ну ты, дядька, ещё отрубишь чего...

– Не бойсь, до свадьбы заживёт!

– Дак энто смотря чё отрубишь, а то в свадьбе и смыслу нет, – гогочут хлопцы, но за колья берутся.

Завертел сотник двумя шашками так, словно вокруг него сплошной щит из сверкающей стали – ни пикой проткнуть, ни стрелой пробиться, подступиться-то и то страшно...

– Давай, давай, не робей – кого не убью, того выучу!

А тут сзади голосок женский нежный, но медью позванивающий:

– Ага, попался, мил-дружок! Я весь день у печи, к столу его жду, а он с хлопцами дурью мается?!

Всё, кончен бал, погасли свечи, пришла жена казачья, строгая, «кирдык ханум», ежели по-татарскому выразиться. Обернулись все, хлопцы дубины побросали, сотник шашки в землю уткнул.

– Никакой такой дурью мы не маялись. Так, пошутковали чуток...

А жена казачья меж хлопцев прошлась взглядом внимательным и руки в боки упёрла:

– Вот я те дома пошуткую! Опять у казачков фонари под глазом светятся! Иллюминация, как в самом Санкт-Петербурге, а ко мне вечером их мамки жаловаться набегут...

– Да мы не выдадим! – хором откликнулись казачата. – Скажем, сами подрались! Обычное дело, чё сразу к мамке-то?!

– Да чтоб они вам ещё и от себя добавили! А ты марш домой, девки без тебя за стол не садятся... – рявкнула грозная супруга, цапнула мужа за рукав и до хаты потащила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-belyanin/sotnik-i-basurmanskiy-car>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)